

Неизвестный отзыв современника о пушкинской «Полтаве»

У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое невозможно положиться по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станут ему в глаза бранить его произведение, хотя бы оно того и стоило.

Пушкин. «Проект предисловия к VIII и XI главам «Евгения Онегина»»

Вышедшая в конце марта 1829 г. «Полтава» была первой поэмой Пушкина, которой досталось больше упреков, чем похвал. Редко кто из читателей писал о ней с восторгом, чаще — с недоумением, неизменно ставя ее ниже «Бахчисарайского фонтана», «Цыган» или «Руслана и Людмилы». Сам Пушкин, очевидно, не был готов к подобной холодности. ««Полтава» не имела успеха, — писал поэт некоторое время спустя. — Может быть, она его и не стоила, но я был избалован приемом первых, слабейших моих произведений»¹. Претензии как журналистов, так и публики касались в основном «слабости» и «исторической неверности» характеров поэмы и вынудили Пушкина даже выступить с антикритикой в свою защиту: в альманахе «Денница» на 1831 г. он напечатал небольшой полемический фрагмент, цитату из которого мы привели выше.

К отзывам о поэме журналистов, друзей поэта и простых читателей, ученных «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина»², нам бы хотелось добавить еще одно. Оно содержится в письме Петра Лялина к знаменитому метроману графу Дмитрию Ивановичу Хвостову.

Адресат письма слишком известен, и здесь не место давать о нем какие-либо сведения. Отметим только, что до самой своей смерти он живо интересовался текущей литературой, писал небольшие критические заметки, который думал объединить в цикл под заглавием «Записки о словесности». Напечатать их в периодике ему удавалось крайне редко, и большая их часть осела в его архиве. Уже в прошлом веке

были опубликованы заметки о «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 г.³ и поэме Е. А. Баратынского «Наложница»⁴ и фрагмент заметки «О краткости надписей»⁵; остальные еще ждут своего исследователя.

Об авторе же письма нам известно только то, что сам он сообщает в других своих письмах Хвостову. Он был офицером, в конце 1820-х гг. имел звание майора и служил в Калуге; судя по всему они с графом были знакомы семьями. Затем Хвостов выхлопотал ему какое-то место при Лефортовском госпитале, и в июне 1829 г. Лялин переехал в Москву. Любопытно, что в его письмах нет того унижительного подбострастия, которым переполнены послания к добросердечному графу прочих искателей сиятельного покровительства. Он много пишет о своих театральных впечатлениях, и его оценки могут представлять интерес для историков русского театра. Литературе же Лялин, судя по всему, был чужд: единственное известное нам его выступление в печати — это заметка «Калужские новости. (Письмо к издателю)», опубликованная в 1828 г. в «Дамском журнале» за подписью «А. — А.»⁶, и, судя по всему, изрядно отредактированная как самим Хвостовым, так и издателем журнала П. И. Шаликовым. Едва ли можно его идентифицировать с неким П. Лялиным, опубликовавшим во второй половине 1830-х гг. в «Библиотеке для чтения» несколько статей о свекло-сахарном производстве. Впрочем, служебная биография Лялина, хотя и может быть без труда восстановлена при обращении к архивным источникам, едва ли интересна для нашего сюжета.

Итак, 8 апреля 1829 г. Лялин пишет из Калуги своему старшему другу и покровителю, откликаясь на две свежие литературные новинки:

...к неожиданному моему удовольствию мне удалось прочитать и *Выжигина*, и *Полтаву*; Если Гений поэтов может стареть (чего, впрочем, я не заметил в отношении к Вашему), то вдохновитель А. С. Пушкина пошел под гору, что разительно доказывает его *Полтава*, ибо, по мнению моему, в этой поэме, не имеющей никакого плана, испорчены все характеры, начиная от Мазепы, который по омерзительному своему сладострастию и неестественной любви к нему Марии припоминает мне Злого Черномора, в поэме *Руслан и Людмила*, с тою только разницею, что тот не был счастлив взаимностию обожаемой им Людмилы. Заговор, сделанный Мазепою против Петра, отнесен к буйному характеру козаков, требующего от Мазепы измены, следовательно, кто узнает в Мазепе исторический его характер, хитрый и пронырливый. Кочубей сделан подлецом, обвинив себя вымышленным признанием ложного на Мазепу доноса, после чего не хочет под пыткой сказать *Орлику*, где спрятаны его деньги. Не значит ли это, что жажда корысти имела в нем перевес над возвышенным чувством чести. Впрочем, стихи, где Кочубей отвечает Орлику о трех

кладах, прекрасны, в целой же поэме отличных стихов немного и она во всех отношениях слабее предыдущих его произведений. — *Выжигин* мне очень понравился своим описанием всех сословий наших соотечественников. Картины его описания резки, но естественны, только все разительные примеры собраны или подобраны к одному времени, но это не уменьшает достоинств романа, в котором должно представить все разительно. В завязке нет большого интереса, но я этого и не искал, будучи доволен языком и картинами⁷.

Ответное письма Хвостова до нас не дошло, но мы можем реконструировать его мнение о поэме: очевидно, он был согласен со своим корреспондентом⁸. В подтверждение тому мы можем процитировать фрагмент из примечания к четвертому посланию «Совет питомцам муз», опубликованного во втором томе «Полного собрания стихотворений графа Хвостова», который вышел в том же 1829 году. Пассаж про то, что допустимо, а что не допустимо при изображении на театре исторических лиц, граф заключает следующими словами: «Сочинитель статьи: *Разбор Поэмы — Полтава*, очень основательно рассуждает, что исторические характеры должны быть соблюдаемы в точности. Смотри Журнал *Сын Отечества* 1829 года, Апр. месяц, № 15, стр. 49, 50, 51 и 52»⁹.

Здесь Хвостов отсылает к опубликованной анонимно статье Ф. В. Булгарина о «Полтаве», а именно к следующим фрагментам: «Отчего она [«Полтава»] не произвела такого впечатления в публике, как другие произведения сего поэта? Оттого, что поэт был вправе не давать отчета в характерах и положениях *вымышленных* лиц, а от лиц *исторических* мы требуем полноты характера и желаем видеть события в их настоящем, правдоподобном виде даже в волшебном зеркале вымысла. Этого нет в поэме “Полтава”. Разные эпохи и действия, представленные в отрывках, развлекают внимание и не сплочены так, чтоб составляли одно целое: общая занимательность гибнет в подробностях. <...> Допуская в романтическом роде все возможные вольности пиитические и не налагая никаких уз на воображение поэта, я не скажу, чтоб в поэме “Полтава” все лица были без характеров. Нет! всякое лицо имеет свой характер, но только не такой, как нам представляет история, и следовательно, исторические события разногласят с вымышленными характерами. Пружины слишком слабы для сильного действия, и оттого мы видим огромную машину — в бездействии. История побеждает вымысел, и оттого потеряна в нем занимательность»¹⁰.

Как видим, Булгарин повторяет другими словами почти то же, что уже писал престарелому стихотворцу его далекий от литературы про-

винциальный корреспондент. По иронии судьбы, именно его «Ивана Выжигина» Петр Лялин, как и многие другие, противопоставил «Полтаве» — и подобное противопоставление, больше даже, чем относительный неуспех поэмы, задевало, как Пушкина, так и его друзей. Именно с этого времени начинается конфликт Булгарина и Пушкина, впоследствии переросший в самую настоящую журнальную войну. Но эта тема уже выходит за рамки настоящего сообщения.

Примечания

- ¹ Цит. по: Пушкин в прижизненной критике. 1828—1830 / Под ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001. С. 307.
- ² См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т./Сост. Н. А. Тархова. М., 1999. Т. 3: 1829—1832. С. 39, 41—46, 53 и др.
- ³ Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 271—272 (публ. А. В. Западова); фрагменты ранее опубл.: *Морозов П. О.* Граф Дмитрий Иванович Хвостов. 1757—1835 гг.: Очерки из истории русской литературы первой четверти XIX века // Русская старина. 1892. № 8. С. 413—414.
- ⁴ Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского/Сост. А. М. Песков. М., 1998. С. 264—266 (публ. Е. Э. Ляминой).
- ⁵ *Хвостов Д. И.* Соч. / Сост. О. Л. Довгий, А. Е. Махов. М., 1999. С. 182—183.
- ⁶ Дамский журнал. 1828. Ч. 23. № 6. С. 305—308; об авторстве см.: ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 38, л. 12.
- ⁷ ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 36, л. 80—80об.; орфография и пунктуация приведены к современным нормам.
- ⁸ Отметим, что у Хвостова был еще один корреспондент по фамилии Лялин — Евгений Иванович (возможно, родственник Петра), также неодобрительно отзывавшийся о Пушкине (см.: *Морозов П. О.* Граф Дмитрий Иванович Хвостов. С. 411).
- ⁹ *Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1829. Т. 2. С. 258.
- ¹⁰ Пушкин в прижизненной критике. 1828—1830. С. 136, 138.

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007